

Он летел кубарем с высокого помоста, считая ребрами бесчисленные ступени, пока не рухнул лицом вниз на холодные плиты древней иссиня-черной земли. Хань Цзин сплюнул кровь. Грудь разрывало от боли, но еще сильнее — от хлынувшего темной волной отчаяния. Перед глазами до сих пор стоял тот взгляд: ошеломленный, полный горькой обиды и растерянности.

Как всё к этому пришло?! Он ведь поднял на него руку... ударил, целясь прямо в округлый, высокий живот! Разве Асир не всемогущий бог? Почему он не защитился, почему доверился?!

Хань Цзин содрогнулся, вспомнив, с какой силой обрушил удар. Попытка приподняться на онемевших, словно перебитых руках отозвалась острой болью в груди, и губы снова окрасились кровью. Ответный удар Асира был страшен — в нем klokотали ярость и глубокая, звенящая обида. Тот удар должен был стать смертельным.

Но Асир пощадил его. Пожалел в последний миг... Хань Цзин слишком хорошо знал, на что способна мощь Рун, и от этого осознания его израненное сердце окончательно превратилось в пепел. Опустошенный, он замер, тупо глядя вверх, на бесконечную лестницу. Там, на залитом холодным светом возвышении, царила лишь мертвая пустота. Того, кого он так жаждал увидеть, там больше не было.

Оглянувшись, он увидел перед собой исполинские Радужные врата. В их пустом зеве мерцала бездна космоса. Атлантида из последних сил цеплялась за угасающее величие; смертоносное излучение, хлеставшее из врат яростным потоком, вдруг замедлилось, запульсировало с перебоями, оставляя видимые бреши в обороне.

Мысли путались, разрывая сознание надвое. С одной стороны — гибнущая человеческая цивилизация, стоящая на краю гибели. С другой — образ Асира, который, согнувшись и судорожно прижимая руки к животу, из последних сил швырнул его прочь, заставив лететь по каменным ступеням. Голова раскалывалась от невыносимой боли, слезы сами катились по щекам, смешиваясь с грязью и кровью.

Время потеряло счет. Хань Цзин лежал в полузабытьи, пока яростная вспышка лазурного пламени, вырвавшаяся из Радужных врат, не заставила его вздрогнуть и очнуться.

Он смахнул с лица слезы и замер: из мерцающего марева портала медленно выходила крошечная фигурка.

— Папа! — звонкий, счастливый голосок полоснул по ушам, и незнакомая девочка бросилась к нему со всех ног.

Она была прекрасна, словно нежный бутон: длинные пепельные волосы отливали мягким шелковым блеском, а янтарные глаза светились неподдельной радостью.

Хань Цзин оцепенел. Всматриваясь в этот теплый янтарный взгляд, он ощутил, как глубоко в груди отзывается странное, щемящее чувство непреодолимого родства.

— Папа?.. — заметив его растерянность и испуг, Кэтрин нерешительно замерла. Ее личико погрузнело, а в глазах мгновенно вспыхнули слезы.

— Ты... ты не узнаешь меня?

— Это я, Кэтрин... — Девочка горько разрыдалась. Она так боялась, что отец разлюбит ее в новом облике, но даже в страшном сне не могла представить, что он ее просто не узнает.

— Кэтрин?.. — В голове зашумело. Хань Цзин всматривался в чужое лицо, но этот взгляд, эта детская, до боли знакомая манера обиженно поджимать губы... Сомнений не было. Мысли постепенно прояснились, выстраиваясь в единую, пугающую картину. Его дочь тоже несла в себе искру Руны, ведь в ее венах текла кровь Мориса. Форсети не зря подозревал, что ее недуг — не что иное, как космическая чума, единственная болезнь, способная оборвать жизнь бессмертных. И спастись от нее можно было лишь одним способом — через переселение души в новое тело.

Значит, его малютка... забрала чужую жизнь, чтобы выжить? Губы Хань Цзина задрожали. Нахлынувшие чувства душили его: он не знал, как к этому относиться, не знал, что делать.

— Это я, правда я, — она робко шагнула вперед, сжимая кулачки. Вид этого беззащитного, испуганного ребенка, точно виноватого во всех бедах мира, заставил его сердце сжаться от острой жалости.

— Папочка, я очень сильно заболела.

— Было так больно... Когда я очнулась, все тело словно горело в огне. Отец сказал, что если не переселить меня в новое тело, я умру и больше никогда тебя не увижу.

Хань Цзин все медлил, не решаясь обнять ее так, как обнимал раньше, и Кэтрин снова безутешно разрыдалась.

— Я сделала что-то плохое? Ты меня больше не любишь?

— Я так скучала... Я нашла на полу твой кулон с нашей семейной фотографией, но потеряла его... Ты поэтому сердись? Я не хотела, честно.

— Папочка, ты ведь не бросишь меня? — захлебываясь слезами, прошептала девочка, заглядывая ему в глаза.

— Нет, глупенькая, конечно нет, — Хань Цзин судорожно сглотнул подступивший к горлу ком. Превозмогая дикую боль в изломанном теле, он широко раскрыл объятия и крепко прижал дочь к себе. Под пальцами ощущалось чужое, чуждое тело, но то, как преданно она прильнула к его груди, как доверчиво спрятала лицо — всё это была его маленькая Кэтрин. Отцовское

сердце невозможно было обмануть.

Но почему цена спасения должна быть столь страшной?.. Слезы жгли ему глаза. Он впервые соприкоснулся лицом к лицу с безжалостной изнанкой бессмертия.

Он долго держал ее в объятиях, баюкая и согревая. Лишь спустя время мягко отстранил за плечи и заставил посмотреть на себя.

— Послушай меня, Кэтрин. Ты должна расти сильной и стойкой. Что бы ни случилось, буду я рядом или нет, обещаю тебе быть счастливой. И помни: папа любит тебя больше всего на свете.

Его собственный голос дрожал от с трудом подавляемых рыданий. Он не знал, выживет ли сегодня, но даже если смерть пощадит его сейчас, человеческий век недолог. Ему не уйти от угасания. А Кэтрин... Кэтрин обречена жить тысячи, миллионы лет. Впереди у нее вечность — бескрайняя и холодная. Быть может, когда-нибудь эта вечность сотрет из ее памяти воспоминания о простом смертном отце?

Ведь его жизнь — лишь краткая вспышка, едва заметный штрих на полотне мироздания. Пройдет сотня лет, и он обратится в космическую пыль.

— Зачем ты так говоришь? — закричала девочка сквозь слезы. — Ты хочешь бросить нас? Но ты же обещал! Помнишь сказку о Волопасе и Ткачихе? Ты клялся, что даже если нас разделят целые галактики, мы все равно найдем путь друг к другу!

— Неужели ты больше не любишь папу Мориса?!

Горло сдавило спазмом. Хань Цзин отвел взгляд, чувствуя, как внутри всё разрывается от боли.

— Я не знаю... — выдохнул он через силу. — Больше ничего не знаю.

Он отвернулся, вглядываясь в бездну, где плыла окутанная всполохами Атлантида. Похоже, натиск смертоносного луча действительно ослаб, давая людям передышку. Они лихорадочно пытались запустить врата. И хотя процесс шел туго, два исполинских шеврона на кольце портала уже вспыхнули ровным, ослепительным сиянием.

— Папа... ты хочешь вернуться к ним? — тихо спросила Кэтрин, уловив его тоску. Она указала ладошкой в сторону Атлантиды, и по ее немому приказу кольцо Радужных врат пришло в движение, закрутилось, изрыгая потоки ревающего лазурного пламени.

— Если мы тебе совсем не нужны... я отпущу тебя.

— Отец не станет ругаться, он меня очень любит. — В этот миг в девочке проглянуло пугающее

величие расы бессмертных. Утирая слезы, она без колебаний предлагала отцу выбор, от которого зависела судьба их семьи.

Хань Цзин болезненно поморщился. Она решила, будто он готов отвернуться от нее. Он крепко, до хруста привлек дочь к груди, чувствуя, как в душе воцаряется странное, холодное спокойствие. Ему некуда возвращаться. Если суждено умереть — он встретит смерть здесь. На Атлантиде его больше ничего не держало. В этот самый миг исполинские Звездные врата в космической бездне вспыхнули во всю мощь. Безбрежное лазурное море чистой энергии выплеснулось наружу, бесследно поглотив Атлантиду. Пути назад не было. Хань Цзин безмолвно смотрел на экран: отныне судьба человечества принадлежала лишь звездам, и его собственная нить навсегда от нее отсечена.

Он готовился к неизбежной смерти, но судьба распорядилась иначе.

Шли дни, превращая его жизнь в томительное заточение на самом краю обитаемого мира.

Хань Цзин сидел на широкой открытой террасе дворца из иссиня-черного сплава, расчерченного безупречной вязью древних узоров. Небо над головой струилось жидким золотом. Мягкие потоки Хвера, похожие на теплый полуденный бриз, ласкали кожу, рассыпаясь мириадами искрящихся пылинок. Казалось, будто весенний пух кружится в воздухе, едва касаясь его лица. Это зрелище завораживало своей неземной красотой.

Два ослепительных солнца лениво выплывали с противоположных краев небосвода. В восемьдесят первый раз. Ровно восемьдесят один день он провел здесь, в плену Города богов.

В последний раз он видел Асира в день своего пленения. Тот казался невредимым — всё такой же высокомерный, холодный и неприступный. Он даже не снизошел до разговора, не проронил ни единого слова.

Хань Цзин поднял глаза к золотым небесам. На его лице, застывшем в безразличном спокойствии, не отражалось ни единой эмоции.

День за днем он безмолвно созерцал рассветы и закаты, покорно ожидая конца. В душе царил покой, но память вопреки всему вела точный, безжалостный счет дням.

Лишь редкие визиты Кэтрин оживляли его взгляд. Он бережно обнимал дочь и часами слушал ее тихий лепет.

Постепенно из ее рассказов он узнал, что это место — древняя колыбель расы Альтеран, Алкиона-Венера, воспетая в мифах как обитель творцов. Окутанный вечным сиянием Хвера, первоисточника всего сущего, Город богов ревниво оберегал свои тайны. Сам же Хань Цзин

томился в самом его сердце, защищенном древними, непреодолимыми барьерами. Кэтрин говорила, что без личного дозволения Асира сюда не под силу проникнуть ни единой живой душе.

Город богов раскинулся на целую звездную систему. Его нижний ярус занимали колоссальные храмы, куда стекались миллиарды паломников со всех уголков мира Идо, принося богам свою слепую, фанатичную веру. Выше располагались запретные чертоги Рун. Хань Цзин догадывался: все эти священные бастионы подвластны некой силе, сокрытой в ядре, где его заперли. Именно здесь находилось средоточие Хвера, управляющий центр всей этой великой машины.

Бессмертные Руны не были всемогущими творцами. Их жизнь и могущество целиком зависели от веры смертных. Психическая энергия молящихся питала Хвер, а Город богов распределял эту силу, поддерживая искры жизни в каждой из Рун. Чем больше последователей, тем сильнее их раса. Ради этого они когда-то и создали гермафродитов — двуполых существ, способных размножаться с пугающей скоростью.

Асир стоял на вершине этой пирамиды. Как он сам некогда обмолвился, узы Города богов держали всех Рун в вечном подчинении. Кэтрин не знала подробностей, но шепотом поведала, что сила отца безгранична: он подчинил себе механизмы Алкионы-Венеры и обрел подлинную неприкосновенность. При желании он мог бесконечно поддерживать жизнь в одном и том же теле, сжигая излишки первозданной энергии.

И все благодаря этому городу? Асир, будучи его создателем, наверняка преследовал корыстные цели. Вероятно, именно его непомерные амбиции и абсолютная власть некогда напугали сородичей, заставив их пойти на предательство.

Впрочем, до чужих интриг Хань Цзину не было дела. Он лишь изредка вспоминал об Атлантиде. Где сейчас его соплеменники? Сумели ли они уйти от погони и затеряться в холодных глубинах вселенной?

Он тихо вздохнул, и на его лбу прорезалась горькая складка. Вдруг за спиной раздался торопливый шаг.

— Папа! — Кэтрин вбежала на террасу. Ее личико побледнело, а в расширенных глазах застыл первородный ужас.

Сердце Хань Цзина пропустило удар. Он мгновенно вскочил на ноги и бросился к ней.

— Что случилось, маленькая? Опять напроказничала и рассердила отца? — Он ласково привлек ее к себе, пытаясь успокоить. После переселения души девочка стала болезненно ранимой, ловя каждое движение бровей своих отцов.

— Нет, — она отчаянно замотала головой, мертвой хваткой вцепляясь в его рукав. — Папе

очень плохо, ему ужасно больно! Папочка, мне страшно!

— Что?! — Словно раскаленная игла вонзилась в грудь. Хань Цзин оцепенел, и лишь секунду спустя до него дошел смысл ее слов.

— Тихо, тихо... Сделай глубокий вдох и Расскажи толком: что с Асиром?

— Ему еще со вчерашнего дня нездоровилось, — всхлипнула она, утирая нос. — Но он строго-настрого запретил мне говорить тебе! А сегодня я заглянула к нему... Он так и лежит в постели, весь белый как полотно, и даже не пустил меня на порог!

— Мне так страшно, папа! Он никогда, никогда не был таким слабым! — Для нее Асир всегда оставался незыблемым, несокрушимым колоссом, и его внезапная немощь повергла ребенка в панику.

Внутри у Хань Цзина всё похолодело. Срок подошел. Восемьдесят один день... Великие предки, почему так долго?! Этот вопрос тяжелым камнем лежал у него на душе все последние недели. При нормальном течении беременности у их расы роды должны были начаться еще на сороковой день. Задержка растянулась больше чем на месяц!

Из-за того сокрушительного удара?... Неужели он повредил плод?

Сердце зашло в бешеном, болезненном ритме. Хань Цзин гнал от себя страшные мысли. Не помня себя от тревоги, он подхватил Кэтрин на руки и бросился прочь из покоев.

«Боги лишены чувств, — твердил он себе, задыхаясь на бегу. — Тогда почему мне так больно? Почему сердце буквально разрывается в груди?»

— А-а... гх...

Новая схватка навалилась безжалостным, сокрушительным прессом. Сознание Асира словно полоснули бритвой. Он выгнулся на простынях, натянувшись тетивой, и запрокинул бледное, искаженное мукой лицо. Пальцы судорожно впились в смятое шелковое одеяло. Он пытался сдерживать стон, запереть внутри эту разрывающую его на части боль, от которой не было спасения, но силы изменили ему. Из пересохшего горла вырвался тихий, жалобный всхлип. Длинные серебряные волосы, мокрые от пота, разметались по подушкам.

Было невыносимо больно. До безумия хотелось сбежать, скрыться от этого кошмара.

Он упрямо гнал от себя эту малодушную мысль, но стоило схватке утихнуть, как он бессильно

рухнул на простыни. Огромный, тугой живот высился холмом, и плод даже не думал опускаться в родовые пути. Асира захлестнула волна глухого, безысходного отчаяния.

Он всегда считал себя бесстрастным божеством, стоящим выше мирской суеты. Но когда Хань Цзин исподтишка, подло ударил его... Душа Асира содрогнулась от непереносимой обиды. Это была не просто телесная рана — это было предательство. Он ненавидел его в тот миг, презирал и оплакивал свою слепую доверчивость.

И всё же он не смог нанести ответный смертельный удар. Более того — чтобы уберечь нерожденное дитя от последствий той яростной стычки, Асир растратил колоссальную долю своей первородной энергии. Именно эта жертва и превратила роды в нескончаемую пытку.

Зачем он проявил слабость? Зачем пощадил жалкого смертного? Он ведь никогда не знал жалости. С легкостью стирал в пыль целые миры и расы... Так почему именно перед ним, ничтожным человеком, его воля дала трещину?

Тело вновь сковало судорогой. Асир натужно приподнялся на локтях, тужась из последних сил. Гордость была растоптана: ему, высшему существу, приходилось лежать с широко разведенными коленями, проходя через те же унижительные муки, что суждены самым ничтожным самкам во вселенной.

«Выходи... ну же...» — мысленно умолял он дитя, прекратившее двигаться. Схватки терзали его уже трое суток. Семьдесят два часа непрерывного кошмара, а плод словно застрял намертво.

Он глухо стонал, исходил слезами и обессиленно падал обратно на пропитанные потом подушки. Схватки шли сплошной чередой, промежутки между ними сократились до секунд. Будь он обычным человеком, его сердце давно бы не выдержало столь чудовищной нагрузки. Но Асир был богом, великой Руной. Смерть не властна над ним, пока не иссякнет последний исток его силы. И в этом крылось самое страшное проклятие: его разум оставался кристально ясным, заставляя во всех деталях, с абсолютной отчетливостью проживать каждую секунду этой нескончаемой, разрывающей плоть пытки.

И снова нахлынул прилив. Невыносимый, бесконечный, словно его низвергли в самые мрачные бездны преисподней. Он попытался напрячься, собраться для нового усилия, но очередная волна боли оказалась столь разрушительной, что едва не выжгла его жизненную суть. Асир хрипло вскрикнул и рухнул навзничь. Огромный живот натянулся и окаменел. Пальцы судорожно скрябали резную спинку кровати, а в золотых глазах, всегда горевших холодным величием, теперь дрожали слезы бессилия.

Он запоздало пожалел о собственной гордыне. Он до последнего цеплялся за этот конкретный физический облик и не желал представать перед миром в минуты позорной слабости. Роды не были для него в новинку, и поначалу он не сомневался в успехе. Но колоссальная потеря первородной энергии спутала все карты. Плод вырос слишком крупным, напитавшись его же растраченной силой, и теперь... Асир с ужасом осознал, что не может разродиться сам.

Страшное слово «дистоция» набатом стучало в висках. Умереть он не боялся — бессмертному телу ничто не грозило, рано или поздно ребенок родится. Но как же это было больно! Боль лишала его рассудка. Он всегда умел терпеть, но сейчас его хваленая выдержка рассыпалась прахом.

Очередной спазм выгнул его дугой. Живот заходил ходуном под ладонями. Теряя контроль над собой, Асир вслепую взмахнул руками, пытаясь нащупать хоть какую-то опору в пустоте, но пальцы ловили лишь холодный воздух спальни.

— Хань Цзин...

— Хань Цзин... гх-а-а!.. — По бледным щекам покатились слезы. Трое суток ада стерли наносное величие. Боль, точно тяжелый топор, раз за разом опускалась на его броню, пока та не раскололась, обнажив испуганное, кровоточащее нутро. Не осталось ни надменности, ни холодности — лишь измученный, страдающий родитель.

— Хань Цзин...

— Хань Цзин... — Он звал его сквозь слезы, бредя наяву. Ему до безумия, до дрожи хотелось почувствовать тепло его рук. Казалось, только этот человек способен спасти его, укрыть от непрекращающегося кошмара.

Хань Цзин бежал по бесконечным переходам дворца, прижимая к себе Кэтрин. Мимо проносились исполинские залы из темного металла, и только сейчас он осознал: его никто не держал взаперти. Ему была доступна огромная часть Города богов. Просто всё это время, раздавленный горем, он сам не желал делать ни шагу за пределы своей террасы, а Асир ни разу не побеспокоил его.

Они вели безмолвную, изнуряющую войну, делая вид, будто мертвы друг для друга. И вот теперь Хань Цзин впервые переступил порог личных покоев повелителя Рун.

Еще на подходе до его слуха донеслись глухие, сдавленные стоны. Полные нечеловеческой муки, они раз за разом доносились из глубины залы.

— Морис?! — Хань Цзин замер, и его сердце испуганно забилось. Вся напускная холодность слетела в миг, обнажая застарелую, но так и не утихшую боль. Сколько бы обид ни стояло между ними, он так и не смог вырвать этого человека из своей души. Он по-прежнему любил его. Своего Мориса.

— Папа?... — Кэтрин испуганно дернула его за рукав, почувствовав, как задрожали отцовские руки.

Хань Цзин заставил себя взять себя в руки и поспешно опустился перед ней на одно колено.

— Не бойся, родная. Твоему отцу просто нужно немного помочь. Он дарит тебе братика или сестренку. Ты когда-то тоже так появилась на свет.

— Из-за меня ему тоже было так плохо? — дрожащим голосом спросила девочка.

— Да, солнце, рожать детей всегда тяжело. Поэтому ты должна быть умницей. Ступай в свои покои и подожди там. Не нужно, чтобы отец сейчас волновался, договорились?

Девочка послушно кивнула, но напоследок крепко сжала его пальцы:

— Папочка, ты ведь поможешь ему? Обещаешь, что с ним всё будет хорошо?

— Обещаю. Всё будет хорошо, — твердо ответил Хань Цзин.

— Хань Цзин...

— Хань Цзин... — Асир метался в жару, запрокидывая голову. Крупные капли пота катились по его бледному лицу. Превозмогая слабость, он вновь попытался приподняться, но каменистый живот отозвался такой дикой болью, что у него потемнело в глазах. Все усилия были тщетны: плод застрял и не двигался ни на миллиметр. Охваченный стыдом и измученный до предела, он бессильно повалился обратно на постель, не в силах больше сдерживать дрожь в натруженных бедрах.

Он приготовился к новому удару о бездушное ложе, но вместо этого его бережно подхватили сильные, теплые руки.

Асир ошеломленно замер. Схватка на миг отпустила его, позволяя сфокусировать затуманенный взор на лице пришедшего.

Перед ним был Хань Цзин. Его осунувшееся лицо побледнело еще сильнее, а в темных глазах горела неподдельная, щемящая нежность и тревога.

Решив, что это лишь бред воспаленного разума, Асир робко протянул мокрую от пота руку и едва слышно позвал:

— Хань Цзин?.. Это ты?

— Я здесь, — Хань Цзин крепко сжал его ладонь, прижимаясь губами к холодным пальцам. Сердце обливалось кровью при виде этой бледности.

Реальность происходящего мгновенно отрезвила Асира. В его взгляде промелькнуло смятение. Стыдясь своей минутной слабости, он попытался высвободить руку и отвернулся.

Прежде чем Хань Цзин успел что-то сказать, тело в его объятиях снова зашлось в бешеной дрожи. Ледяные пальцы Асира сжались на его ладони с такой силой, что кости едва не хрустнули. Но даже на грани безумия он сдерживал себя, боясь покалечить человека. Из искусанных, плотно сжатых губ вырвался тихий, прерывистый стон — самый постыдный звук для грозного бога.

Хань Цзин прижал его к себе, стараясь облегчить муку. Его взгляд упал на вздымающийся живот Асира, и по спине пробежал холодок. Тот был просто огромным, круглым и тяжелым, точно там зрела двойня. На последних месяцах беременности плод растет стремительно, а Асир, судя по всему, никак не сдерживал его развитие. К тому же срок перевалил за десять месяцев... Глядя на то, как любимый буквально сходит с ума от боли, Хань Цзин ощутил удушающий приступ страха.

— Обопрись на меня, — прошептал Хань Цзин, не позволяя ему отстраниться. — Так тебе будет легче тужиться. Сбережешь силы.

Тепло чужого тела подействовало умиротворяюще, вымывая остатки былой враждебности. Асир молчал, не в силах примириться с тем, что его застали в столь унижительном положении, но подсознательно он жаждал этого тепла. Словно объятия Хань Цзина давали ему силы выстоять.

Пока он боролся с собственными противоречиями, длинные полы его рубашки мягко скользнули вверх. Хань Цзин осторожно коснулся его бедра. Кожа была ледяной, и горячая ладонь скользнула выше, пробираясь к паху.

— Не надо! — в панике вскрикнул Асир, судорожно сводя колени. Древний инстинкт требовал скрыть от посторонних глаз сакральное таинство рождения.

Хань Цзин послушно убрал руку. Сердце кольнуло тоской. Морис... его гордый, упрямый Морис оставался верен себе даже сейчас, отчаянно пытаясь сохранить лицо на пороге полного изнеможения.

— Всё хорошо, я рядом. Я никуда не уйду.

— Я сберегу вас обоих, слышишь? — Он нежно коснулся губами влажного виска Асира, помогая ему поудобнее устроиться на подушках. Ему нужно было во что бы то ни стало осмотреть его и понять, насколько раскрылась шейка матки.

Родной голос баюкал, лишая воли к сопротивлению. Услышав имя «Морис», Асир окончательно сдался. Броня, которую он выстраивал веками, рассыпалась в пыль. Очередная схватка накатила внезапно и яростно. Он вскрикнул, намертво вцепившись в руку Хань Цзина.

Хань Цзин попытался свободной рукой погладить каменеющий живот, чтобы унять спазм, но стоило ладони коснуться натянутой кожи, как пальцы пронзило резкой болью. От тела Асира исходил мощный, неосознанный импульс защитной магии, отталкивающий любое чужое прикосновение.

Хань Цзин растерянно отпрянул, разминая онемевшие суставы. Он забыл, что перед ним не просто человек, а божество. Даже на грани истощения Асир обладал колоссальной силой. Вдруг этой силы хватит, чтобы разрешиться от бремени?

— Не трогай живот... — выдохнул Асир сквозь зубы. Лоб его блестел от испарины. — Моя магия... реагирует сама.

— А когда схватка утихнет? — мягко спросил Хань Цзин, заглядывая в его измученное лицо. Сейчас для него не существовало грозного бога Асира, перед ним был лишь его возлюбленный.

Встретив этот заботливый, полный любви взгляд, Асир на мгновение замер. Сопrotивляться больше не было сил. Он медленно закрыл глаза, безмолвно соглашаясь.

Выждав, пока волна боли сойдет, Хань Цзин осторожно положил ладони на живот Асира. Память услужливо подсказала уроки, которые они когда-то посещали вместе. Плод уже опустился, но его размеры были поистине огромными для узкого таза. Ребенок застрял на самом входе в малый таз.

Стоило Хань Цзину вновь коснуться его бедер, как Асир вздрогнул. Мышцы напряглись, пытаясь сомкнуть колени.

— Расслабься, Морис, — тихо попросил Хань Цзин, мягко удерживая его бедра. — Не борись со мной.

Тот замер. Смятение уступило место глухому смирению, и он покорно развел колени в стороны.

Его тело, за исключением огромного живота, сохранило божественную безупречность. Длинные, точеные ноги не знали отеков, кожа оставалась гладкой и упругой.

— Раскрытие полное, — Хань Цзин с облегчением выдохнул. — Всё идет хорошо, Морис. Скоро всё закончится, обещаю.

Он прижал его к груди, помогая принять полусидячее положение, чтобы облегчить потуги. Но стоило ему сжать ладонь Асира, как спазм вернулся с новой силой. Тот упрямо сжимал зубы, отказываясь кричать, лишь беззвучно глотал слезы. Живот под ладонью Хань Цзина сделался твердым, как гранит, а сильные ноги Асира крупно задрожали от невыносимого напряжения.

— Хань Цзин...

— Хань Цзин... — Асир звал его в полузабытьи, утыкаясь лицом в его плечо.

Хань Цзин крепко держал его, баюкая на своих руках. Каждое страдание Асира отзывалось в его собственной душе рваной раной. Он шептал ему на ухо ласковые, успокаивающие слова:

— Я здесь, мой хороший. Я с тобой.

— Всё закончится. Совсем скоро тебе станет легче.

— Не закончится... — Асир бессильно привалился к его плечу, впитывая спасительное тепло.

Он был богом — холодным, равнодушным, прожившим бесчисленные эпохи без привязанностей. Но судьба жестоко посмеялась над ним, силой влив в его вены яд земной любви. В Иллюзии Атлантиды он без остатка открыл душу этому человеку, впустив его в самые потаенные уголки своего сознания. И пускай после пробуждения он лгал себе, отрицал и возводил новые стены — его суть давно принадлежала Хань Цзину. И лишь сейчас, на пороге полного изнеможения, маски были окончательно сброшены.

— Он не двигается... — прошептал Асир, и в его голосе проступили несвойственные божеству детские, обиженные нотки. — Мне так плохо, Хань Цзин... Я больше не могу.

— Как давно начались схватки? — испуганно спросил Хань Цзин, прижимаясь губами к его виску. — С вчерашнего дня?

— Нет... — Асир судорожно вздохнул. Его тело вновь натянулось струной.

— С трех ночей назад... Гх-а-а-а!.. — Он сорвался на крик. Новая волна боли накрыла его с головой. Это были уже не просто мышечные спазмы — каждая схватка рвала саму его энергетическую суть, лишая жизненных сил.

Видя, как Асир бьется в его руках, полностью теряя контроль, Хань Цзин едва не поддался панике. Если верить легендам, рождение ребенка забирало у бессмертных часть их первородного духа, лишая вечной молодости. Но зачем тогда Асир пошел на это? Зачем терпел эти муки ради дитя, рожденного от простого смертного?

«Он любит меня... — Хань Цзина словно обожгло этой мыслью. — Он делает это ради нас».

Горячие слезы закапали на бледное лицо Асира. Хань Цзин крепко прижал его ладонь к своим губам.

— Морис, послушай... Мы можем сделать операцию? Кесарево? Есть ли здесь медицинские капсулы?

Измученный бог покачал головой:

— Нет.

Ответ прозвучал слабо, но твердо. На самом деле технологии Города богов позволяли извлечь плод хирургически, но вмешательство навсегда разрушило бы эту биологическую оболочку. Асир дорожил своим телом и ни за что не согласился бы лишиться его.

— Наш ребенок... родится здоровым, — прошептал он, теснее прижимаясь к его груди.

— Мне нужен ты, Морис... Слышишь? Только ты, — Хань Цзин осыпал поцелуями его влажное лицо, шепча слова любви.

Асир на мгновение затих, вслушиваясь в эти слова, но очередная мощная схватка вернула его к суровой реальности. Он застонал, выгибаясь в руках Хань Цзина, и заставил себя натужиться. Жалобные, полные муки стоны терзали сердце его возлюбленного.

— Как же больно...

— Хань Цзин... — Асир упрямо сжал зубы. Несмотря на дикую, разрывающую плоть муку и катящиеся из глаз слезы, он продолжал бороться, шаг за шагом пробиваясь сквозь этот затянувшийся кошмар навстречу новой жизни.

<http://bllate.org/book/19677/2006508>